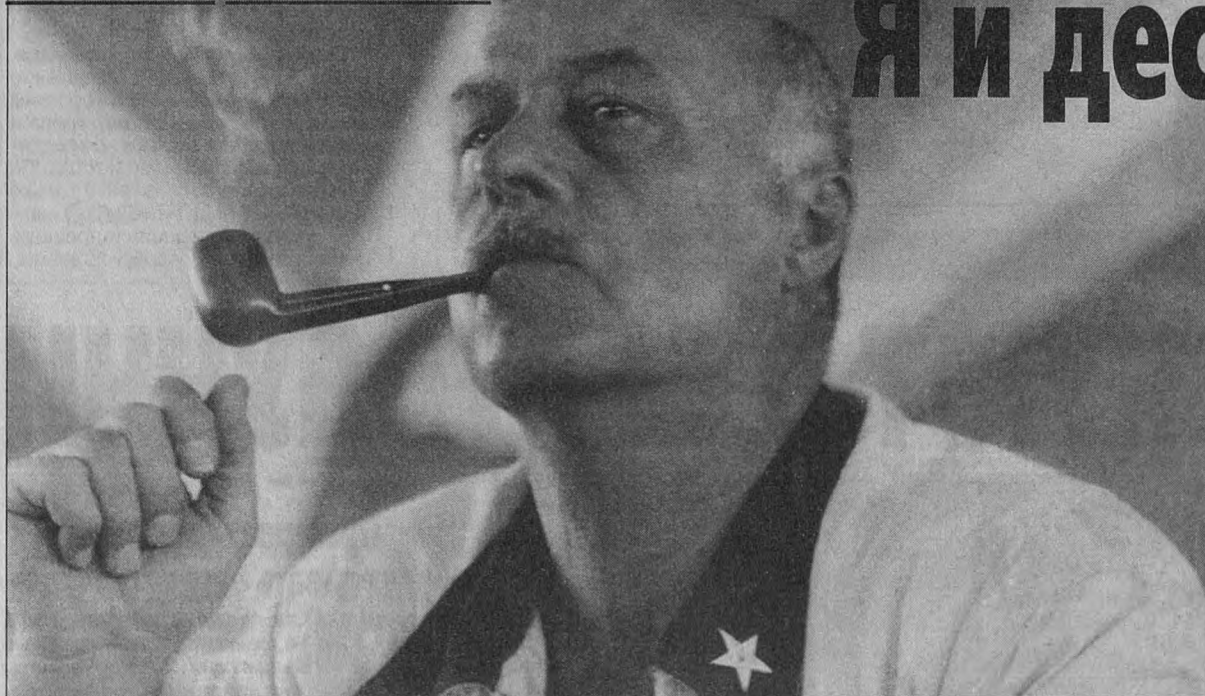

Я добивался этой встречи месяца три. А добившись, сдрейфил.

Станислав Сергеевич Говорухин производил впечатление человека, мало сказать, серьезного — сурового. Знал я и о его взглядах — твердость, с которой он их отстаивает, вызывает уважение вперемежку с недоумением. И вот в солидном кабинете председателя Комитета по культуре Госдумы мы приступили к разговору.

— Станислав Сергеевич, начнем с того, с чего вы когда-то начинали — с кино. Только что по телевидению с очередным успехом прошел ваш фильм «Место встречи изменить нельзя».

— А чем вы определяете успех? (Первый вопрос интервьюеру на засыпку. Но у меня «домашняя заготовка».)

— Одна моя знакомая сказала, что может смотреть этот фильм не сколько раз в день. (Ответом Станислав Сергеевич доволен. Глаза потептели, но суров, суров.)

— А мои приятели посмотрели две серии, им сказали: «Остальные завтра». Пошли, взяли в прокат, смотрели до двух ночи (смеется). Это не самый мой любимый фильм, потому что я вижу в нем много ляпов. Когда я пытаюсь где-то на встречах со зрителями говорить, что он несовершенен, меня просто не понимают: «Нам все хорошо!» (смеется). А есть фильмы безукоризненные — предположим, «Десять негритят». Там и костюмы, и актеры, и декорации — все не

то, чтобы отменно, но у меня нет претензий к самому себе в этом фильме. Произведения художника вырываются из его рук, начинают жить своей жизнью.

— Какие планы у вас связаны с кинематографом?

— У меня никогда не было планов. Я серьезно занимаюсь политикой, своим избирательным округом, законодательной работой в Комитете по культуре.

Несмотря на большую нагрузку здесь, я снялся в двух фильмах. Сейчас снимается фильм «Капитанская дочка» по моему сценарию. Потом у меня есть идея самому снять картину — летом. Идет такая вялая подготовка. Буду снимать на каникулах. Мне бы не хотелось делать это за счет работы из принципиальных соображений. Меня избиратели посылали не кино снимать. Но если я все свободное время трачу на жи-

вопись, то я за это время спокойно могу и фильм снять. Подчеркиваю: в свободное от работы время.

— А сейчас вы снимаете? — я так и не понял.

— Летом буду снимать фильм о человеке старшего поколения с Ульяновым в главной роли. Посмотрим, что из этого выйдет, интересно ли это будет нашему зрителю. Мне неинтересно снимать фильмы, неинтересные нашему зрителю. Я никогда не думаю об американском, французском и другом зрителе. Или о жюри какого-нибудь фестиваля — мне это абсолютно безразлично. Меня занимает успех в своей стране. Фестивальные фильмы снимаются по другим законам: это, во-первых, отсечь интересы зрителей, своих...

— Простите, Станислав Сергеевич, но бывают и совпадения...

— Бывают — но это только совпадения. А в принципе фильм сразу делается, скажем, на «Оскара», в Канни, в Венеции. Сразу делается с расчетом на вкусы изощренной кинематографической публики, эстетов и членов жюри. Например, такой блистательный режиссер, как Никита Михалков, в фильме «Утомленные солнцем» специально запустил дирижабль.

— Дирижабль для «Оскара»?

— Да. У них, у Запада, существует стереотип представления о нашей стране. И наши кинематографисты их неразвитым вкусам потакают.

— Представления о России в фильме «Доктор Живаго» вызывают улыбку. Слабый фильм, правда?

— Не слабый — бездарный, отвратительный. Кроме музыки, конечно. Поэтому я никогда не потакаю вкусам незыскавшегося, необразованного западного зрителя. У нас лучшая в мире публика — была.

— Кроме художественных, вы сняли два прекрасных документальных фильма: «Так жить нельзя» и «Россия, которую мы потеряли».

— На самом деле я снял три документальных картины. Одна — «Великая криминальная революция» — так и не дошла до зрителя.

— И вы, председатель Комитета Госдумы по культуре, не в силах были что-либо предпринять, чтобы фильм увидел свет?

— Во-первых, я не в силах. Во-вторых, это была публицистика, скоропортящийся продукт. Его надо было показать тогда, когда он был снят. Я предупреждал о том, что эти реформы криминальные, о том, к чему придет Россия. Какой смысл показывать фильм теперь? Чтобы сказать: «Говорухин был прав»? Те, кто видели фильм, и так это говорят. Я был трезвый человек, я знал, что моя картина не будет показана, что времена свободы слова закончились с уходом Горбачева. Поэтому я сразу написал книжку с тем же названием, повторив фильм слово в слово. Книга разошлась гигантским тиражом во многих странах мира. Если сразу по прочтении книги многие называли меня

пессимистом, очернителем, то сейчас я выгляжу оптимистом: жизнь опередила все мои мрачные предсказания.

— К сожалению, я пропустил эту книжку: был в это время в Соединенных Штатах.

— США — единственная страна, тратящая огромные деньги, чтобы печатать разные книги о России, но мою книгу, бестселлер, не напечатала. Эта страна не заинтересована в правде о России.

— Ваше заявление, Станислав Сергеевич, скажем так, дискуссионно.

— А для меня здесь нет дискуссии. Я стою на этом и никого убеждать не собираюсь. (Ваш корреспондент понял, что совершил жуткую оплошность и завел интервью в тупик.)

Тем более что следующий вопрос выбрался из него отнюдь не помогая. Сидевший напротив меня оч-чень серьезный мужчина выжидающе смотрел на меня.)

— Не мешает ли вам ваша работа заниматься творчеством?

— Конечно, снимать кино она мне мешает. А заниматься творчеством — ни в коей мере, потому что сама эта работа — творческая. Законотворчество! Мы творим законы. Скажем, мы принимаем закон о кино, о его государственной поддержке. Благодаря этому закону сегодня так заметно оживился кинематограф. Чтобы принять этот закон, надо хорошо представлять положение в кинематографе, знать, чем он болен, какие ему нужны лекарства. Для принятия закона нужно его лоббировать, убеждать депутатов, устраивать здесь, в Думе, какие-то спектакли и так далее. А публичная политика разве не творческая работа? Публичный политик должен быть актером. Вот вам пример — Жириновский. Замечательный артист! А что такое выборы? Разве не режиссура? И я бы занимался всю жизнь этим, но хочется снимать кино.

— Значит, вы довольны тем, чем занимаетесь сейчас?

— Я не доволен результатом, а работой очень доволен: она творческая, интересная, ни минуты покоя.

— Ну хорошо, Станислав Сергеевич. Закон о поддержке кинематографа нужен. Но все упирается в деньги!

— Все упирается во власть!

— Но власть зарплату не может заплатить людям, потому что экономика лежит, налоги не собираются.

— Это зависит от президента. Были начальники, при которых людям платили. И я уверен, будет начальник, при котором будут платить. Когда будет порядок в стране, не будет этого ужаса с преступностью.

— Но основное все-таки, Станислав Сергеевич, экономика — вы согласны с этим?

— Абсолютно не согласен! Я считаю, что это одно из больших ошибок и заблуждений — ставить во главу всего экономику.

Я и десять лет назад говорил: «Не слушайте этих идиотов»

Кинорежиссер-политик считает, что власть важнее экономики

— Но если государство не производит, какого начальника ни поставь...

— Поставь такого начальника, чтобы государство начало производить. Мы с вами забираемся сейчас в дебри, где не разберемся, а только разругаемся. Мы с разных планет: вы с планеты Америка, я с планеты Россия. Мы абсолютно по-разному мыслим. Когда меня американцы, немцы (я читаю лекции в разных странах) спрашивают, как они должны помочь России, я им говорю: «Единственное, что бы от вас потребовал: не помогайте нам! Потому что вся ваша помощь заключается в укреплении этого воровского режима».

Спроси любого американца: хочет он иметь такого президента у себя, как Ельцин, расстрелявшего собственный парламент, объявившего войну в Чечне? До сих пор никто не знает, по чьему совету он объявил эту войну, как он мог влезть в это. Хотели бы вы иметь такого президента? «Нет, — скажет любой американец. — Нам такого не надо!» А что же вы тратите столько усилий, чтобы у нас был этот президент?

— Они не хотят иметь и такого, какой у них сейчас — запутавшийся в юбках.

— Что в этом страшного? Изменил президент с бабкой? Это говорит не о президенте, а о народе. Ханжеском, отвратительном народе. Господи, я ненавижу всю эту Америку с их языком и с их взглядами! И с их ханжеством. Мне никогда не нравился этот Клинтон. Никогда! Единственное, он стал мне симпатичен сейчас. Потому что мужчина и под пытками не должен говорить: я спал с этой женщиной. Пока она ему не скажет: «Спокойно, давай расскажем о наших отношениях».

(Здесь страстный монолог моего визави прервал телефонный звонок. Я вздохнул с облегчением, а то пребывал, прямо скажу, в большом напряжении.)

— Бог с ней, с Америкой, Станислав Сергеевич. Какие все-таки самые острые проблемы стоят перед российской культурой?

— Проблема культуры — это проблема духовности. Сегодня мы являемся свидетелями превращения России в бездуховную зону. Даже при большевиках она была великой духовной державой. Это же революция! И все признаки разрушительной революции: бездомные дети, колоссальная преступность, в десятки раз большая, чем в гражданскую войну. Гибнет культура. И самое главное — рождается поколение бездуховное! Смотрите, на каких идеалах они воспитываются — ничего этого, кстати, в Америке нет! Там любят Родину, кинематограф создает образ Родины, которую хочется любить, и ее любят! У нас все наоборот: рождается поколение, воспитанное в духе торгашества, стяжательства, совершенно не присущем нашей державе. Многие представители этого поколения убеждены, что легче выиграть в лотерею, чем заработать честным трудом; не уважают своих родителей, потому что со всех сторон их убеждают: родители прожили бесцельную жизнь, вся их история — это история ошибок и преступлений. Ребенок выходит на улицу. И что он там видит? Что хорошо живет

сильный и бессовестный, что процветают те, кто воруют. И видит, что люди, которые хорошо учились и всю жизнь честно трудились, живут отвратительно. Так что гибель культуры происходит в душах. Сегодня выросло поколение, которое ничего не читает, которое завтра перестанет воспринимать настоящую поэзию: Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, Высоцкого, Маяковского. Потому что какие тексты они слушают в песнях?

Банька моя, я твой тазик!

Рыбка моя, я твой глазик!

А как кончается эта песня, знаете?

Ты украдешь, а я сяду.

— Эта песня ведь пародия, Станислав Сергеевич. Ее и надо воспринимать как пародию.

— Может быть, я не вслушивался. Я слышал, как увлеченно, без всякого юмора он исполняет эту песню. Скачет, как козел. Вот какое поколение сегодня рождается. А что такое дети? Дети это и есть Россия завтрашнего дня. Вот в чем беда-то. Воспитание в школах знаете какое?

— Сравнительно недавно я был в одной из московских школ — 45-й. Конечно, это престижная школа, но меня поразила в ней именно духовность детей. Я как раз подумал тогда, что все не так плохо, коль скоро есть такие дети.

— Да-да-да. Вот так же рассуждал какой-нибудь Ромэн Роллан, приехавший в сталинскую Россию: «Я был на Беломорканале — это что-то удивительное! Я видел улицу Горького — потрясающе!». Вы были в Москве, в элитной школе. Москва — это не Россия. Да и в Москве что творится? Вот вчера здесь сидела учительница одной из московских школ и рассказывала:

«Приходит ко мне моя 14-летняя ученица и говорит: «Вы только маме не говорите, ради Бога! У меня задержка...». Устроили вечер для девятиклассников — все пришли пьяные в дугу (включая девочек). «А после вечера, — заключила свой рассказ учительница, — мы ходили по темным углам и собирали использованные презервативы.» Вот вам незлитная школа, в рабочем районе.

— Мой пример, Станислав Сергеевич, говорит лишь о том, что не все так мрачно, что есть ростки, оазисы, побеги.

— А если б все было беспроблемно, не было бы смысла делать это интервью. Мы этот беспредел еще можем остановить, поэтому мы должны знать худшее. Когда это худшее захлестнет нас, не нужны будут никакие интервью. Можно сейчас продолжать бороться, даже начинать бороться. А потом не надо будет, когда все будет такое. Я ж политик, я должен видеть тенденцию. И я вижу эту тенденцию. Десять лет морочили голову народу и говорили: «Не волнуйтесь, все рассосется, все образуется». А я тогда говорил: «Не слушайте этих идиотов! Само собой не рассосется». Моя задача была предупредить общество. Этому и был посвящен фильм «Великая криминальная революция». Этим я и сейчас занимаюсь. Что, я не знаю хорошую молодежь? Я не о ней говорю, а об опасной тенденции.

— Задам вам классический вопрос: «Так что же нам делать?».

— Во-первых, я бы не держал президента-пьяницу и преступника. Не тратьте на его выборы государственные деньги. Средства массовой информации скрыли тогда самое главное: что бы больного человека с инфарктом тащили на выборы. В любой гуманной стране остановили бы выборы, подождали. Я бы начал с призыва Солженицына, который остается суперактуальным: «Жить не по лжи». «Перестаньте врать!» — обращаюсь я к журналистам. — Начните говорить правду. Никогда не поздно!

— Ну хорошо, будет через два года новый президент. Все станет сразу о'кей?

— А почему вы думаете, что через два года у нас будет замечательный президент? Пределов худшего нет. Есть предел — называется апокалипсис. У нас может быть какой-нибудь Лебедь. Вот тогда я побегу руками-ногами за Ельцином-гомосоват. Если бы предложили альтернативу — Ельцин или Лебедь, — я бы сам пошел голосовать за Ельцина и увел бы с собой сотни тысяч людей. Я бы без умолку говорил по телевизору: упаси вас Господь голосовать за Лебеда! Тут уж кровь польется рекой.

— Какой же президент нужен России?

— Один из великих американцев — Томас Джефферсон — сказал, что единственное качество, достаточное для управления обществом и государством — это честность. Вот такой президент и нужен России. А умными экономистами он себя окружит...

Владимир НУЗОВ